Табулов Амир Керимович

РАЗВИТИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СИСТЕМАХ ЭТНОРЕКРЕАЦИИ АБАЗИН

Статья посвящена анализу факторов снижения витального потенциала абазинского народа в течение последних трёх веков его истории. Автор выдвигает гипотезу о поэтапной деструктуризации абазинского общества, рассматривает комплекс внешних и внутренних причин этого явления, аргументированно увязывая конкретные примеры процессов деэтнизации и ассимиляции абазин со стадиями распада систем внутриэтнических связей различного происхождения - от сословных и правовых до экономических.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 180-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. **Полева Ю. В.** Роль культовых пещер в сохранении гонимых конфессий на территории Нижнего Поволжья и Подонья // Вестник Воронежского государственного университета. 2008. № 2. С. 91-98.
13. **Симонов П. В.** Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. 98 с.
14. **Степкин В. В.** Легенды донских пещер. Фольклор. Этнография. История. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. 171 с.
15. **Топоров В. Н.** Пространство и текст // Текст: семиотика и структура. М., 1983. С. 227-284.
16. **Щепанская Т. Б.** Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб.: МАЭ РАН; Российский фонд фундаментальных исследований, 1995. С. 110-176.
17. **Щепанская Т. Б.** Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
18. **Юркевич В. С.** Одаренный ребенок. Иллюзии и реальность. М.: Просвещение, 2000. 136 с.

REAL AND VIRTUAL CAVES AS REALIZATION OF COGNITIVE NECESSITY IN TRADITIONAL CULTURE

Stepkin Vitalii Viktorovich, Ph. D. in History
Pavlovsk Secondary Comprehensive School with Advanced Study of Certain Subjects
archeolog@mail.ru

The article realizes a new approach to the understanding of the origins of cave building based on the analysis of the necessities underlying human activity. Besides vital, social and ideal necessities cognitive necessity is emphasized, which is oriented to the exploration of surrounding reality. The realization of the mentioned necessities in traditional culture determines the occurrence of new caves at real and virtual (potentially possible) levels reflected in folklore and myth-making.

Key words and phrases: caves; cognitive necessity; locuses of space; structuring of territory; culture landscape; folklore; virtual space of cave.

УДК 39(470.6)
Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу факторов снижения витального потенциала абазинского народа в течение последних трѐх веков его истории. Автор выдвигает гипотезу о поэтапной деструктуризации абазинского общества, рассматривает комплекс внешних и внутренних причин этого явления, аргументированно увязывая конкретные примеры процессов деэтнизации и ассимиляции абазин со стадиями распада систем внутриэтнических связей различного происхождения – от сословных и правовых до экономических.

Ключевые слова и фразы: абазины; этнорекреация; деструктуризация этносоциума; автохтонный; демографическая катастрофа; ассимиляция; статус абазинских феодалов; сюзеренно-вассальные взаимоотношения; аккультурация; стереотип; идентификация.

Табулов Амир Керимович
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
tabulov.amir@yandex.ru

РАЗВИТИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СИСТЕМАХ ЭТНОРЕКРЕАЦИИ АБАЗИН©

Вопросы начальных этапов формирования абазинского этноса рассмотрены достаточно детально как в своей увязке с аналогичными проблемами абхазов, так и в специальных крупных исследованиях. В целом и общем концепции, сформулированные такими учеными, как Л. Лавров, З. Анчабадзе, Я. Фѐдоров, Н. Марр, Ш. Инал-ипа, Е. Данилова, Е. Алексеева, детально описывая как стадии этноцивилизационного развития абазин, так и их дислокации, не противоречат друг другу и в основных концептуальных положениях вопросов не вызывают.

Нет никакого сомнения, что миграция предков современных абазин на современные территории проживания имела место на протяжении, по крайней мере, тысячелетий, как и указывает целая группа ученых [1, с. 15]. С другой стороны, весьма вероятным представляется, что пиком этого миграционного процесса было заселение земель, освободившихся после распада и гибели в результате монгольской экспансии Аланского каганата и Дешт-и-Кыпчак, что также отмечается в исследованиях [10].

Само по себе массовое переселение народа означает деструктуризацию этносоциума – это естественно. В официальной этнологии утвердилась мысль о высокой степени схожести основных этноидентификационных показателей абхазо-абазин и адыгов, что в плоскости наших интересов означает отсутствие каких-либо признаков кризиса национальной аутентичности абазин в результате постпереселенческой адаптации. Иначе говоря, традиционные субстратные институты абазин не претерпели существенных изменений в XIV-XV вв. (после миграции) ввиду изначальной их схожести с автохтонными. Не беря на себя смелость возражать этому

© Табулов А. К., 2014

положению, все же отметим: истоком этого комплекса утверждений во многом служит грузинская этногеографическая доктрина, традиционная политическая ангажированность которой не вызывает сомнений.

Конъюнктурная ценность идеи этнической близости абазин и адыгов явна и в исследованиях ученых Северного Кавказа, более того – для последних она политически актуальна. Именно поэтому, например, полное совпадение характеристик абазинского и адыгского традиционного жилья признается априори и не оспаривается. Понятно, что форма жилища – лишь частный пример, но для нас весьма показательным является отсутствие интереса к свидетельствам Прокопия Кесарийского и Эвлия Челеби. Первый утверждал, что во время военных конфликтов абазги используют крыши своих домов для передвижения [4], второй зафиксировал, что дома «абазов» «подобны крепостям» и крыты дранкой, что вполне согласуется с наблюдениями Прокопия Кесарийского. Вкупе же информация двух наблюдателей органично взаимодополнена и одновременно никак не согласуется с приемами строительства, реально бытовавшими у адыгов.

Думается, этот и другие моменты субстратной культуры адыго-абхазов требуют более углубленного анализа, нас же интересует другое. На протяжении XVII-XVIII вв. абазинские этносистемы аутентичности вновь испытали экстремумное давление извне. Не вдаваясь в политические детали этого этапа жизни народа, констатируем, что результатом прессинга стала практически фатальная деструкция систем этноидентификации абазинского народа.

Как результат, на протяжении XVIII-XIX вв. значительная часть абазин была полностью ассимилирована – частично по инициативе собственных феодалов [7, с. 134, 149], но весьма часто – и решением представителей иных народов [9, с. 84]. Деструкция систем этнической самоидентификации в границах традиционной феодально-сословной системы абазинского общества уже к концу XVIII столетия достигла таких масштабов, что социальная стратификация на базе обычного права народа оказалась нефункциональна – случаи прямого неподчинения своим владетелям стали нормой. Даже представители Лоовых – особо статусной и уважаемой абазинской княжеской фамилии – не были застрахованы от этого [5, с. 227].

Массовый характер приняло обращение абазин в христианство и переход их в состав казачьих общин, на протяжении менее чем трѐх лет – с 1805 г. по 1807 г. – более ста абазинских семей поменяли веру и национальность и были зачислены в состав станиц кубанского казачества [15, с. 195, 196].

Демографическая катастрофа, постигшая абазин в результате чумы начала XIX столетия – особая тема для разговора и серьѐзного исследования, мы же лишь упомянѐм, что эпидемия свирепствовала среди абазин и после того, как утихла у соседних народов, – в 1808 году администрацией линий констатировалось, что чума сохраняется лишь у абазин и ногайцев [2, с. 57, 129]. Мерой борьбы с эпидемией Александр I избрал переселение абазин-тапанта, проживавших на Куме, внутрь территории кубанского войска, мотивируя это решение невозможностью контролировать передвижения населения на местах их проживания [Там же, с. 59, 687]. Результатом стала ассимиляция большей части горцев, подчинившихся решению императора, и полная деструкция этой части этносообщества – как высказался И. Дебу, абазины решили «рассеяться», в чѐм и преуспели [6, с. 132, 134]. Целый ряд катаклизмов, обрушившихся на абазин в течение конца XVIII – начала XIX века, резко ухудшил и без того катастрофическое положение абазин. Во-первых, исчезла территория компактного проживания абазинского народа. Исчезло если не государственное, то, по крайней мере, этнотерриториальное образование – Абазиния. Значительная часть народа была переселена на территорию Кабарды, она и поныне, уже полностью натурализовавшись, проживает на территориях Зольского и Баксанского районов КБР: «…Основными историческими населенными пунктами района можно считать современные селения Залукокоаже (Абуково), Малка (Ашабово + Аджиево + Трамово + Хагундоково), Сармаково (Бабуково) и Каменномостское (Кармово + часть Хагундоково + Нырово + Думаново + часть Абдурахманово). Все остальные, так или иначе, ведут свою историю от этих сел. Например, в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. переселенцы из с. Малка стали основателями сел Камлюко (1928), Батех, Этоко, а с. Залукодес образовалось в основном выходцами из с. Каменномостское» [8].

Масштабной негативной перестройке подвергся такой сегмент этнической самоидентификации, как вертикальная социальная институированность народа. Статус абазинских феодалов на протяжении двух веков существенно понизился, что, конечно же, повлияло на степень защищенности народа и его этническую безопасность. Нет, по всей видимости, необходимости детально изучать этот момент этнической эволюции абазин – он общеизвестен, просто сопоставим несколько наблюдений и фактов. В августе 1555 г. в составе «черкасского» посольства в Москву прибыли – как равные среди равных – Дударук и Алклыч Езболуевы [3, с. 197]. Столетием позже – в 1643 г. решение о примирении с Москвой после очередного конфликта принималось кабардинскими князьями совместно с абазинскими феодалами, с приглашением на совещание в район Бештау абазинских «мурз»: «…Хачака мурза, Янтомир-мурзин да Саралп мурза Левов да Казый мурза Доруков да Янсох Быбердеев да Алкас мурза Бегишев Джанным мурза Бабуков» [14, с. 86], однако сама титулатура «мурза» в данном случае видится показателем снизившегося статуса абазинских феодалов.

Конфессиональная история абазинского народа также непоследовательна и скомкана. Ислам и его культура к предкам современных абазин проникали неоднократно, если судить по нарративным источникам. Следы первой волны ислама в период арабских завоеваний трудно зафиксировать. Однако факты культурных контактов арабов и адыго-абхазов Кавказа неоднократно отмечены в арабских источниках [11, с. 163]. В период Золотой Орды (в XII-XIV вв.) была сделана вторая попытка насаждения мусульманства. Последняя, третья попытка, предпринятая мусульманскими миссионерами Средней Азии, Поволжья и Дагестана, Турции и Крыма в конце XVI – начале XVIII в., закончилась успешно. Ислам стал национальной религией

абазин к середине XVIII в., и лишь некоторые рудиментарные языческие и христианские обряды и устное народное творчество напоминали о доисламском периоде.

В ландшафтной и экономической части этнорекреативных систем абазинского народа ситуация более чем очевидная. С момента освоения территорий на северном склоне Кавказского хребта абазины утеряли свою территорию не только в политическом смысле этого слова, но и с точки зрения необходимого ресурса жизненного пространства. После потери независимости в рамках региональных сюзеренно-вассальных взаимоотношений территория хозяйственных приоритетов абазинского народа резко уменьшилась за счет внедрения на нее адыгских обществ [12, с. 17].

Вопрос формирования современных черкесов КЧР не может быть решен однозначно, однако ясно, что, начиная с конца XVIII в., экономическая база этновоспроизводящих механизмов абазинского народа заметно сужалась – прежде всего, за счет уменьшения территории исключительного этнического пользования. Кроме того, общее ослабление военной мощи абазин привело и к тому, что они начали испытывать ощутимое хозяйственное и этнорекреационное давление с юга – со стороны карачаевцев. Фактическое отсутствие необходимого хотя бы для простого воспроизводства жизненного пространства предопределило многочисленные передислокации абазин с последующей натурализацией их в иной национальной среде – потомки абазин, деэтнизировавшихся до середины XIX века, составляют значительный процент современных кабардинцев и черкесов, обычны среди карачаевцев, балкарцев, жителей станиц Ставропольского и Краснодарского краѐв.

Позже, во второй половине XIX в., уже в рамках унитарного воздействия царской России абазины оказались фактически заперты в хозяйственных анклавах, позволявших лишь поддерживать на определенном уровне системы этновоспроизводства – уровне, который явно отставал от требований бурно развивающейся внешней среды. Сокращение территории шло не только за счет изъятия земель в пользу казачьих станиц – через это абазины уже прошли, – но и за счет рыночных механизмов отъема земель [13]. Помимо всего прочего, этнос испытывал жесточайшую конкуренцию со стороны последней – рыночной – волны переселенцев, количество которых возрастало с каждым годом. Достаточно сказать, что к 1917 г. доля пришлого населения в Баталпашинском отделе Кубанской области достигла 41% [12, с. 17].

Данные народонаселения Баталпашинского округа весьма показательны: в 1873 г. в округе проживало 172 329 человек, в 1900 г. – 22 8928, в 1903 г. – 24 2853 и т.д. При этом приток мигрантов намного превышал естественный прирост населения.

Эволюционно ситуация с этноаутентичностью систем хозяйствования абазинского народа складывалась, таким образом, в несколько этапов: до XVIII в. – преимущественно экстенсивное отгонное животноводство. В XIX – начале XX в. абазины вели комплексное хозяйство, в котором сочетались животноводство и земледелие. Коневодство считалось почетным занятием и было в основном сосредоточено в руках знати. Было развито птицеводство.

Во 2-й половине XIX в. земледелие стало преобладающей отраслью хозяйства. С начала XIX в. практиковалась паровая система земледелия с трехпольным севооборотом (просо, ячмень, кукуруза), с 60-х – 70-х гг. основной системой земледелия стала залежная. Древним занятием было пчеловодство, мед был одним из основных товаров на внутреннем и внешнем рынке. Подсобную роль играли приусадебное садоводство, охота. Из домашних промыслов и ремесел были развиты обработка шерсти, выделка шкур и кож, деревообработка, кузнечество.

Следует помнить, что, несмотря на более высокий цивилизационный ценз развитого земледелия, в целом переход к нему как к основной системе хозяйствования свидетельствует, прежде всего, о сокращении жизненного пространства народа, т.е. подобные переходы – дело вынужденное. Что касается абазин, то они пришли к началу XX в. в состоянии, близком к этноструктурному хаосу. Годы советской власти ситуацию не улучшили.

Использование архивных документов в комплексе с другими источниками и материалами дает возможность раскрыть обобщающую картину деформации традиционной культуры абазин в конце 20-х – в начале 30-х гг. XX в.

Деформация традиционной абазинской этнокультуры, как и других народов Северного Кавказа, была обусловлена целым рядом причин, оказавших свое негативное воздействие на все народы СССР: коллективизация, экспроприация, хлебозаготовки, террор, репрессии против крестьянства, конфискация имущества и выселение наилучших тружеников, искусственное распределение общества на классы.

И в этот период продолжалась аккультурация абазинского народа: с одной стороны, он начал приспосабливаться к новым коммунистическим, политическим и идеологическим требованиям, с другой – формировалось стойкое тяготение к сохранению исконно этнических принципов самоидентификации, осознававшихся теперь в оппозиции к русским, в качестве единого целого с адыгскими. Это был своеобразный конгломерат «нежелательных» культурно-исторических и бытовых традиций с новыми «социалистическими», навязывавшимися силой партийно-государственного аппарата. Данный факт отразился на этническом сознании абазин таким образом, что традиционные нормы морали, этнических установок и стереотипов продолжали сохраняться только во внутрисемейном общении.

В целом 1930-1940-е – 1980-е гг. – это противоречивое время уничтожения абазинской национальной культурной традиции продуманными методами и пропагандистско-культурными мероприятиями со стороны государства и – как ответная реакция народа, не получившего закрепленного государственного статуса, – поступательного движения абазин к идентификации себя как части адыгского (черкесского) сообщества этносов.

Список литературы

1. **Аджинджал И. А.** Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1965. 190 с.
2. **Акты Кавказской археографической комиссии** (АКАК). Т. III. / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1869. 768 с.
3. **Алексеева Е. П.** Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. 354 с.
4. **Бахиа-Окруашвили С. И.** Абхазы: этнографический очерк [Электронный ресурс]. URL: http://kolhida.ru/index.php3 ?path=_etnography/arts/&source=03 (дата обращения: 10.02.2014).
5. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1720 по 1803 гг. СПб., 1869. Т. I. 659 с.
6. **Дебу И. Л.** О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Вообще замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829. 463 с.
7. **Иванов И. И.** Материалы для истории Кавказского края // Кобякова Д. А. Указатель географического, статистического, исторического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Тифлис, 1879.
8. **История Зольского района** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kbrlife.ru/2007/04/02/istorija_zolskogo_rajjona.html (дата обращения: 10.02.2014).
9. **Кокиев Г. А.** К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Нальчик: Эль-Фа, 2005.
10. **Лавров Л. И.** Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. 286 с.
11. **Мец А.** Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.
12. **Невская В. П.** Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972. 216 с.
13. **Фадеев А. В.** Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: к проблеме развития капитализма в ширь // История СССР. 1959. № 6.
14. **Челеби Э.** Книга путешествия: земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. 287 с.
15. **Щербина Ф. А.** История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. 904 с.

DEVELOPMENT OF CRISIS PHENOMENA IN SYSTEMS OF THE ABAZINS‟ ETHNO-RECREATION

Tabulov Amir Kerimovich
Karachai-Cherkess Institute for the Humanities
tabulov.amir@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the factors that have been decreasing the vital potential of the Abazins for the last three centuries in their history. The author hypothesizes about the gradual destructurization of the Abazin society, considers the complex of the external and internal reasons of this phenomenon, reasonably connecting the specific examples of the Abazins‘ deethnization and assimilation processes with the breakup stages of the intra-ethnic relations systems of various origin – from estate and legal to economic ones.

Key words and phrases: the Abazins; ethno-recreation; destructurization of ethno-socium; autochthonous; demographic disaster; assimilation; status of the Abazin feudalists; suzerain-vassal interrelations; acculturation; stereotype; identification.

УДК 94(470)
Исторические науки и археология

В статье подвергаются анализу изменения, произошедшие в Северной Осетии в области семьи и брака в ходе модернизационных процессов 1920-1930-х гг., кардинально изменивших частную жизнь женщины-горянки. Основное внимание автор акцентирует на комплексе мер, принятых большевиками в 1920-1930-е гг., связанных с формой регистрации брака, переходом к новому репродуктивному поведению и государственной заботе о материнстве и детстве.

Ключевые слова и фразы: большевики; женщины Осетии; охрана материнства и детства; раскрепощение горянки; репродуктивное поведение; регистрация брака.

Тедеева Нина Васильевна, к.и.н.
Северо-Осетинский государственный педагогический институт
tedeevanina@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЬИ И БРАКА ЖЕНЩИН СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 1920-1930-Х ГОДОВ©

Современные исторические и социологические исследования в области советских модернизаций 1920-1930 гг. осветили как утопичность некоторых положений, так и противоречивость его последствий. Однако преобразования, произошедшие после прихода к власти партии большевиков, коренным образом изменили прежние представления о месте и роли женщины в семейной и общественной жизни.

© Тедеева Н. В., 2014